

Освобожденіе славянскаго міра.

„И другой странѣ смиренной,
„Полной вѣры и чудесъ,
„Богъ отдасть судьбу вселенной,
„Громъ земли и гласъ небесъ“.

А. С. Хомяковъ. (Стих. „Островъ“).

Огромные фоліанты ученыхъ изысканій, множество изящныхъ поэмъ и стихосложеній напишутъ будущія поколѣнія о великой войнѣ 1914 года... Но въ настоящее время война не есть исторія, не есть прошедшее, а есть сама *наша жизнь*, есть частица насъ самихъ, нашихъ поступковъ, нашихъ помысловъ. Въ чемъ же коренное отличіе въ отношеніи къ войнѣ насъ, ея современниковъ, и нашихъ будущихъ потомковъ?

Мы, современники великой войны, должны принять и изжить ее, какъ проявленіе Промысла Божія, неисповѣдимыми путями своими ведущаго родъ человѣческой къ Царству Божію. Каждый изъ насъ долженъ нести ту долю общей скорби и тяготы, которая ему выпадетъ.

Велико и неисчерпаемо-глубоко значеніе современной войны для огромнаго большинства европейскаго люда, въ смыслѣ приближенія души человѣческой къ Богу, въ смыслѣ очищенія сердца и приуготованія его къ воспріятію страданій, посылаемыхъ для нашего испытанія Божіимъ Промысломъ.

Гордо и, казалось, непобѣдимо-сильно высились трубы фабрикъ и заводовъ, казалось чуть ли не закономъ природы прогрессивно-капиталистическое „развитіе“ общества, но загромыхла чудовищная война, и вчерашніе оплоты индустріи лежатъ грудой щебня, а партія социалистовъ умираетъ у стѣнъ соборовъ родной страны.

Казалось, безвозвратно убрало человѣчество свой рыцарскій панцырь и мечъ и, вооружившись аршиномъ, окончательно превратилось въ коммивояжера, приличнаго, въ мѣру честнаго и осмотрительно-благоразумнаго. Когда же коммерческая честность, обывательское благоразуміе и капиталистическая филантропія посягнули превратиться въ евангеліе, въ основу и мѣрило человѣческихъ дѣяній—большинство съ отвращеніемъ отшатнулось отъ такого невиданнаго хамства и, къ счастью Европы, подъ фуфайкой бургера еще оказалось живымъ сердце средневѣковаго, благороднаго рыцаря...

Міръ славянскій и міръ нѣмецкій...

Что можно представить себѣ болѣе противоположное по основамъ, по пониманію жизни; по цѣлямъ, къ которымъ стремятся эти два антипода?

Въ то время, какъ центромъ нѣмецкаго міра явился прусскій милитаризмъ, средоточіемъ славянскаго міра издавна являлась Россія.

Нѣмцы инстинктомъ чувствовали себѣ опасность въ Россіи, особенно въ ея роли въ дѣлѣ объединенія славянскихъ народностей, и всѣ силы направляли къ тому, чтобы помѣшать дѣлу освобожденія славянъ отъ турецкаго ига и объединенію въ единый союзъ славянскихъ народностей. Въ этихъ цѣляхъ на балканскомъ полуостровѣ усиленно культивируются дипломатическими средствами ставленники Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ, создается специальное миѳическое пугало подъ именемъ „панславизма“, которое усиленно демонстрируется предъ нѣмецкимъ народомъ для поднятія патріотическаго духа.

Нѣмецкій міръ не пытался, да *и не можетъ* жить въ мирѣ со славянами. Послѣдніе, по понятію нѣмцевъ, суть существа низшія, потому что у нихъ меньше желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ, телеграфовъ, акціонерныхъ компаній и тому подоб. Если же славяне существа низшія, ихъ слѣдовательно можно всячески эксплуатировать, истязать, надругаться, насиловать ихъ женщинъ, ибо всѣ эти поступки непозволительны лишь по отношенію къ нѣмцу. Слѣдуетъ оговориться, у нѣмцевъ подобное отношеніе не только къ славянамъ, но и къ другимъ расамъ, причемъ измѣняется лишь мотивировка, сущность же отношенія остается та же.

Наше доблестное воинство бьется, не щадя своего живота, съ вѣковымъ угнетателемъ славянства, съ врагомъ жестокимъ и мстительнымъ. Мы же должны представить изъ себя единый, сплоченный тылъ великой народной арміи и изгнать *изъ себя внутренняго нѣмца*, который незамѣтно для насъ самихъ занялъ сильную позицію.

Невольно теперь, въ часъ тяжелаго испытанія Россіи, встаютъ вопросы, тревожившіе всегда русское сердце и русской умъ; вопросы о русской культурѣ, объ особомъ назначеніи русскаго народа въ судьбахъ чело-вѣчества, о томъ, что промыслилъ Творецъ вселенной о народѣ русскомъ.

Чтобы вполнѣ ясно и опредѣленно поставить вопросъ о типѣ особой русской или, вѣрнѣе, обще-славянской культуры, необходимо отъ многого отрѣшиться и многое вкорнѣ пересмотрѣть. И вотъ при этомъ-то пересмотрѣ, при мало-мальски внимательномъ всматриваніи въ наше не совсѣмъ отдаленное прошлое, становится вполнѣ яснымъ, насколько силенъ въ насъ внутренній нѣмецъ и насколько мы измѣнили въ сердцѣ своемъ Божьему Промыслу.

Пруссачество, юнкерство проникало въ нашу родину за послѣднія три столѣтія, не только чрезъ знаменитое окно въ Европу, но лилось широкой рѣкой и въ гостепріимно-открытыя двери, и теперь, когда русской народъ долженъ самостоятельно встать на борьбу съ тѣмъ же пруссачествомъ, стало очевидно, насколько сильно укрѣпился этотъ терпкій духъ юнкерства во всѣхъ порахъ русской жизни.

Насколько наша государственная жизнь страдала отъ преобладанія въ ней прусскихъ замашекъ, говорить не приходится. Тяжелымъ кошмаромъ висѣлъ польскій вопросъ, и казалось, нѣтъ возможности развязать

узелъ историческихъ недоразумѣній и современныхъ ошибокъ, но истинно-государственное слово Верховнаго Главнокомандующаго разомъ вырѣшило этотъ вопросъ, и если наша государственность пойдетъ тѣмъ же путемъ, Россіи нечего бояться за будущее—оно обезпечено, и русское правительство въ самомъ народѣ будетъ имѣть навсегда неисчерпаемый источникъ силъ для своихъ дѣйствій на пользу общую. Между русскимъ народомъ и русскимъ правительствомъ цѣлыя столѣтія стояла стѣна недоверія, теперь она готова рухнуть и прежняя сыновняя любовь народа къ своему Царю-отцу и благопокореніе Помазаннику Божію оживить и согрѣетъ русскую государственную жизнь.

Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимо обратить сугубое вниманіе и на тѣ начала исконной народной жизни и вѣры, которыя такъ ревниво-свято сохранили до нашихъ дней старообрядцы. Мы слишкомъ мало и слишкомъ плохо знаемъ нашу родную исторію, мы не знаемъ ея героевъ, мы не знаемъ тѣхъ, кто для русскаго народа былъ учителемъ и водителемъ, къ кому склонялъ свою скорбную и многострадальную голову русскій народъ. Наступила пора пересмотрѣть нашу исторію за послѣднія столѣтія и назвать нѣкоторые факты ихъ собственными именами. Назвать съ точки зрѣнія подлинно русской государственности и культуры.

Необходимо углубиться въ народную жизнь, въ творенія нашихъ геніальныхъ, но преступно-небрежно забытыхъ самородковъ, поучиться у нихъ уму-разуму народному и ими попытаться разрѣшить задачу отношенія двухъ культуръ: востока и запада.

Отличительныя черты той и другой культуры наиболее ярко и глубоко выступаютъ предъ нами, если мы всмотримся въ единый стержень жизни человѣчества—въ церковно-религіозную жизнь. Еще такъ недавно подобныя слова многимъ изъ нашей интеллигенціи показались бы слишкомъ притязательными и, пожалуй, даже парадоксальными, но *теперь*, когда сбросившій съ себя маску, ничѣмъ не прикрытый, циничный вандализмъ ринулся на все живое и свободное, когда всей Европѣ угрожаетъ поработеніе новаго Чингисъ-хана, но уже не первобытнаго, а вооруженнаго не только средствами для внѣшняго поработенія, но и для умерщвленія самаго духа, самой души человѣческой, ужасъ предъ нашествіемъ Атиллы XX вѣка подѣйствовалъ отрезвляюще на материалистически настроенное общество, и утвержденіе о томъ, что различіе западной и восточной культуръ обуславливается различными по существу религіозными жизнеощущеніями и міропониманіями не покажется излишне притязательнымъ.

Славянскому міру, для своего внутренняго освобожденія, необходимо вырѣшить и преодолѣть многія преграды и вопросы. Необходимо отрѣшиться отъ узко-національной, языческой гордыни во имя истинно-національнаго, согласованнаго съ незыблемыми основами ученія Христа понятія

о культурѣ; необходимо побороть силу сыпучихъ песковъ и ползучихъ болотъ, „общепринятыхъ понятій“.

Славянскій міръ имѣеть широкое, міровое будущее, онъ скажетъ міру *новое слово* въ области культуры, въ области устройства человѣческаго общества; такъ учили наши славянофилы и въ этомъ были убѣждены ихъ духовные преемники—Достоевскій и Вл. Соловьевъ. Но гдѣ же это „новое слово“, въ чемъ оно, гдѣ это „славянское откровеніе“? вопрошали и вопрошаютъ „западники“.

И тѣ, и другіе говорили на разныхъ языкахъ: славянофилы говорили то, что подсказывало имъ ихъ сердце и религіозная вѣра, они не могли не сказать того, что чувствовали, и за то, что они не скрыли отъ Бога полученнаго таланта—имъ должна отдать вся Русь земной поклонъ. Говорили они тѣмъ, кто не привыкъ прислушиваться къ голосу сердца и внимать таинственному голосу религіознаго сознанія, а отдавалъ предпочтеніе химической пробиркѣ и записной книжкѣ этнографа. Славянофилы для поясненія и подтвержденія своего сверхопытнаго убѣжденія начали приводить доказательства изъ лингвистики, отчасти миѳологической исторіи—это ихъ ошибка. Они старались доказать, что Россія и весь славянскій міръ *имѣеть право* не только на самобытное развитіе, но и имѣеть особую міровую миссію. Но они не могли еще опредѣлить болѣе или менѣе точно, чѣмъ характеризуются начала славянской культуры и какое „новое слово“ скажетъ Россія. Основные же мотивы развитія самобытной славянской культуры были намѣчены нашими ранними славянофилами, въ особенности И. Кирѣевскимъ и А. Хомяковымъ. Центральный мотивъ русской культуры—религіозный; все, что было въ нашей литературѣ самобытнаго и цѣннаго, все питалось своими корнями въ религіозной почвѣ, даже наше русское невѣріе приняло странный характеръ, въ немъ иногда слышатся нотки подлинно-религіозныя по существу, и столь бы, казалось, несвойственныя настоящему *убѣжденному* атеизму.

Если возможна самобытная русская культура, то это культура синтетическая, но не аналитическая; въ нашей литературѣ, общественной жизни, манерѣ рѣшать важные вопросы ясно сказывается устремленность къ цѣлому, пробивается стремленіе обобщить, выявить основную сущность. Таковъ уклонъ *по направленію* русской культуры. На какой же почвѣ она базируется?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ направленіе оригинальной русской философской мысли. Если на западѣ восторжествовало начало разума, *ratio*, то на востокѣ, наоборотъ, совершеннымъ способомъ познанія истины почиталась цѣлостная человѣческая личность, во всей ея совокупности, не раздѣленная ни на какія условныя клѣточки и рубрики.

Восточная гносеологія по существу отличается отъ гносеологіи, основанной исключительно на нашемъ разумѣ. Истину собственно нельзя *взять*, открыть, а истина *открывается*, она является, какъ результатъ

цѣлой совокупности причинъ, какъ нѣчто органически - необходимое, какъ нѣчто вытекающее изъ этихъ причинъ. Истинѣ нельзя научить, понятие о ней нельзя передать, до истины надо *дожить* лишь самому. Таково достиженіе истины, намѣчаемое славянофилами, но, оговоримся, славянофилы это лишь выразили письменно (да и то не впервые, ранѣе ихъ былъ Г. С. Сковорода), а задолго до нихъ эту мысль *осуществилъ* цѣлый рядъ угодниковъ Божіихъ, достигшихъ истины, познавшихъ смыслъ истинной жизни и тѣмъ приблизившихся къ Тому, о Имени Котораго борются всѣ народы земного шара.

Какъ мы мало знаемъ и какъ мало дѣлаемъ для того, чтобы узнать о томъ, что же это за жизнь святыхъ людей; мы знаемъ объ этой жизни лишь внѣшнее ея проявленіе, лишь ея форму, и намъ подчасъ кажется, что такая жизнь намъ, слабымъ грѣшникамъ, не подъ силу. Но мы не знаемъ о томъ внутреннемъ высоко-духовномъ наслажденіи, которое испытывали святые угодники, чувствуя свое приближеніе къ истинѣ, какъ сознание этого окрыляло ихъ, укрѣпляло ихъ плоть и дѣлало легкимъ то, что намъ кажется непосильнымъ.

„Иго Мое благо и бремя Мое легко естъ!“ Когда придетъ пора для созиданія русской философіи, то какой неисчерпаемый кладъ мудрости предстанетъ предъ нашими изумленными очами въ твореніяхъ великихъ отцовъ Церкви! Тогда мы, можетъ быть, поймемъ и усвоимъ философію святой жизни, философію „умнаго дѣланія“.

Истина не въ стѣнахъ университета, не въ кабинетѣ ученаго, не въ лабораторіи химика, *она въ жизни человека*, живущаго по завѣтамъ Учителя изначальной мудрости — это первая предпосылка русской философіи.

Славянскій міръ, развивая собственную философію и освободившись отъ вліянія чуждаго запада, выдвинетъ и иное отношеніе между наукой и религіей, или между вѣрой и знаніемъ. Не только полная примиримость, но необходимая совокупность и обусловленность обнаруживается при свободномъ взглядѣ на столь, кажется, неразрѣшимый вопросъ. Затѣмъ получить правильное разрѣшеніе и вопросъ объ отношеніи техники къ духовной культурѣ. До сихъ поръ прогрессъ въ области техники считался вѣрнымъ показателемъ культурнаго преуспѣянія, но переживаемая нами война показала, что телефономъ можетъ пользоваться съ одинаковымъ успѣхомъ и Чингизъ-ханъ. Сравните технику Германіи и ея духовный обликъ и вы узнаете въ ней Чингизъ-хана съ телефономъ.

Россія, выступивъ на небывалый въ исторіи бой за поправныя права сербскаго народа, тѣмъ самымъ говоритъ *новое слово* о возможности болѣе справедливаго устройства человѣческой жизни на землѣ. Не обманъ, шпіонство и право кулака должно служить кодексомъ международныхъ отношеній, а взаимное довѣріе и благожелательность. Россія, съ крестомъ въ сердцѣ и мечомъ въ рукѣ, двинулась на вандаловъ, надругавшихся надъ

всѣми человѣческими правами. Развѣ это не „новое слово“? Это не только „новое слово“, но и *новое дѣло*—святое дѣло!

Славянскій міръ, освободившись отъ внутренняго нѣмца, довершитъ дѣло своего возрожденія и оправдаетъ извѣстное сказаніе о третьемъ Римѣ, которое цѣлыя столѣтія живетъ на святой Руси.

И. Кирилловъ.

М. В. Ломоносовъ.

Въ нашъ нервный, расшатанный, шумный и безхарактерный вѣкъ совсѣмъ не излишне вспомнить Ломоносова, перваго русскаго ученаго въ европейскомъ смыслѣ, какъ представителя чисторусскаго, цѣльнаго, вполне опредѣлившагося и законченнаго могучаго характера. При высокомъ теоретическомъ умственномъ развитіи, въ немъ вполне сохранилась практическая русская сметка, крѣпкая, закаленная долговременнымъ трудомъ и настойчивостью воля. На высотѣ ученаго своего величія нерѣдко попрекаемый отъ завистниковъ „низкою породою и подлымъ происхожденіемъ“, онъ съ гордостью называлъ себя природнымъ русскимъ человѣкомъ, отличался открытою, доброю и любящею душою, съ удовольствіемъ принималъ часто являвшихся къ нему въ гости земляковъ-крестьянъ, долго бесѣдовалъ съ ними и по-русски угощалъ ихъ хлѣбомъ-солью. Словомъ, „великій поэтъ, ученый и философъ“, онъ, по замѣчанію поэта, „былъ другъ народа весь свой вѣкъ“.

Онъ всегда держалъ себя благородно, мужественно, зналъ себѣ цѣну и сознавалъ свое значеніе.

Вѣрный правилу, выработавшемуся еще въ средѣ дѣловыхъ современниковъ Петра Великаго: „ни на что не напрашивайся и ни отъ какого дѣла не отказывайся“, онъ ни передъ кѣмъ не унижался, не искалъ милостей и покровительства, не искалъ мѣстъ и работы; работа и мѣста искали его, какъ честнаго, на все способнаго и крайне добросовѣстнаго работника. Его постоянно отвлекали отъ любимыхъ имъ занятій, поручали ему дѣла, къ которымъ онъ былъ мало подготовленъ, но онъ никогда не отказывался отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей и добросовѣстно исполнялъ ихъ, если только онѣ клонились къ „вящей пользѣ и славѣ отечества“.

4 апрѣля 1915 года исполнилось 150 лѣтъ со дня смерти Михаила Васильевича Ломоносова.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,